

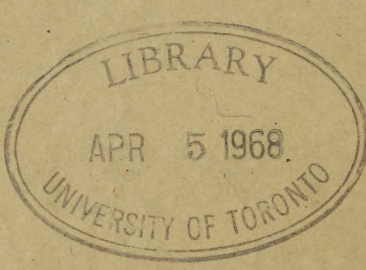
Briusov, Valeriĭ IAkovlevich
V takie dni

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

В ТАКИЕ ДНИ

СТИХИ
1919-1920

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Гиз. № 1636. (Р. В. Ц., Москва). Отпечатано 20.000 экз.
20-я Государственная типография М. С. Н. К. (бывшая Кушнерева), Пименовская.

I.

В ЗАРЕВЕ ПОЖАРА

Я хочу горящих зданий
Я хочу кричащих бурь..

. . . .

Я хочу кинжальных слов
И предсмертных восклицаний.

Бальмонт

1. РОССИИ.

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукрощенных бурь,—
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.

Россия! в злые дни Батыя,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингизхановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра,—
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди, страна-вожатай,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

---

2. ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ.

(1917—1920).

Вой, ветер, осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клети,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, бесзаборных.
Где пляшет нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер, с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай,—

Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрях, в тоске, в нищете,
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой, все властней, все державней
Земные ведет племена!

---

3. К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! яростно прянув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток,
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

———

4. ПАРКИ В МОСКВЕ.

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в октябре.

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней—классические
Силуеты трех старух.

То народными пирожницами,
То крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади,—мне сказывали, —
Там, где Кремль стоял как цель,

Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель;

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

---

5. ВЕСНОЙ.

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, овсы тугие,
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.

Вот косогор, а вон река,
За лесом — вышка колокольни;
Даль беспредельно широка,
Простор лугов, что шаг, раздольней:
Плывут неспешно облака,
Так высоко над жизнью дольней.

Вы неизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет.
Сон пашни новой, ты красив,
Тебя встающий день лелеет.
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре веет.

Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,
Пока, алея, не взошла
Заря сознанья и свободы.
Но сила творчества — светла
В глубоких тайниках природы.

Нет места для сомнений тут,
Где вольны дали, глуби сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый Труд
Был торжествующей святыней.

---

6. НАМ ПРОБА.

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вкруг свистит льдяной метелью,
День к дню жмет горло как тесьма.

Что ж! Ставка—мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветр, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь

Строг выбор: строй, рази—иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж.
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

7. ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ.

(Инвектива).

Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица:
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали и вы внимали,
С испугом радостным как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле незначенных столетий.

Вам были любы — трагизм и гибель,
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа.

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы взброшены в невероятность.

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись «бренность».
И в новых ликах, живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено, в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите в вихре событий
Упиться бурей, грозно-странной
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность
И только в книгах, да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

8. ТОЛЬКО РУССКИЙ.

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Но когда в толпе шумливой,
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой,
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь—простор надежде,
В нем — свободный человек.

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,

Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

9. К ВАРШАВЕ!

К Варшаве красноармейцы,
К Балтике английский флот.
Знамена красные, взвейтесь,
Трубите красный поход.

Пусть там, в Европе, смятенье,
Всплески испуганных рук.
На кинематографической ленте
Веков — новый круг.

Та Москва, где Иван Грозный
Плясал пред кровавым костром;
Где в безлюдьи, ночью морозной,
Варваров клял Наполеон;

Где — храмы, святыни, ковчеги,
Дворцы, особняки богачей, —
Сорвалась с тысячелетнего места
И в пространствах без меты,
В неистовом беге
Летит, ружье на плече.

Над Тверской, над Садовой — самумы,
Над Остоженкой — неистовый вихрь:
Всей республики воплощенные шумы,
Кремля громовые думы, —
Создавать, разрушать, творить.

Рушатся незыблемости зданий,
Новый Капитолий встает;
Водоворот,
Всех заарканив,
В багряном тумане,
В невероятность влечет.

Мы подняты на взбешенных волнах,
На их гребень, как в седло, взметены,
Мы пьяны от брызг соленых,
Копьями звезд пригвождены.

Мы плывем в растущем потопе,
Все заливая кругом,
Пока в смятенной Европе
Над нашим разгромом — стон.

К Варшаве, красноармейцы!
Пусть в Балтике английский флот!
Ликуйте, пляшите, смейтесь —
Над расплавленной яростью вод!

10. МЯТЕЖ.

(Памяти Эмиля Верхарна, как поэта и друга).

В одежде красной и черной,
Исполин,
От земли к облакам
Восстающий упорно,
Властелин,
Диктующий волю векам
Необорно, —
Мятеж,
Ты проходишь по миру,
Всегда
Светел, свободен и свеж,
Как в горном потоке вода.

Возьми
Пламя пожара,
Взбежавшее яро,
Как гигантскую лиру;
Греми
Грохотом рушимых зданий;
Аккомпанируй
В кровавом тумане
Реву толпы,
Сокрушая столпы
Библиотек,
Фронтоны музеев,
Одряхлелых дворцов.

Ужас посеяв,—
Как отравленный дротик,
Кинь свой озлобленный зов:
«За рабов,
Против царей, вельмож, богачей, пэрсев,
Против всех ставленных,
За подавленных!»

Не все равно ли,
Правда иль нет этот зов?
Ты полон дыханием воли,
Ты силен сознанием власти,
Ты — нов.

Пусть книги горят на кострах дымносизых;
Пусть древние мраморы в тогах и в ризах
Разбиты на части
(Заряды для новых орудий).
Пусть люди,
Отдавшие жизнь за свободу народа,
У входа
Опустелых темниц,
Расстреляны, падают ниц,
С заглушенным криком: «свобода».
Пусть в шуме
Растущих безумий,
Под победные крики, —
Вползает неслышно грабеж,
Бессмысленный, дикий, —
Насилье, бесстыдство и ложь.
Пусть!

Разрушается старое, значит поднимется новое.
Разрываются цепи, значит будет свободнее.
Прочь — готовое,
Прошлогоднее,
То, что мы знаем давно наизусть.

Необорно,
В одежде красной и черной,
Ты проходишь,
Мятеж.
Ища свой рубеж,
Ты просторы обводишь
Глазами пронзительно-шарящими.
Тебе, чем другому, кому
Известней:
Над пожарищами,
Над развалинами,
Над людьми опечаленными,
Над красотой, обрекаемой тлению, —
В огне и дыму, —
Новой песней,
Встанет новой жизни свет.
Разрушению —
Привет!

---

11. СЕРП И МОЛОТ.

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миро́м—Серп и Молот.

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Не даром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни,
Лети за грань, в планетный холод.
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщь тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод поспелый золот!
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод.
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот.

II

НАД МИРОВЫМ КОСТРОМ

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало СВЕТЛО?

. . . . . .

И так близко подходит чудесное
К развалившимся, грязным домам
Никому никому неизвестное,
Но от века желанное
НАМ...

Анна Ахматова

1. В ТАКИЕ ДНИ.

Расплавлены устои жизни прежней,
Над мировым костром мы взлет огня,
Еще безумней и опять мятежней,
Вихрь беспощадных искр, взметай меня!

Мечту пронзили миллионы волей,
Мысль, в зареве бесчетных дум, зорка,—
Ломая, строить новый Капитолий,
Класть цоколи стен, взмеченных в века.

Не пламя ль влито в трепетные жилы,
Мой каждый вздох не роковой ли хмель,
Содружный труд упорно троит силы,
Застлала мглу слепительная цель.

Но в эти дни все внесено в безмерность,
Жизнь—от земли в зенит веретено.
Желанья—смерч, стальная плаха—верность.
Победный лавр и иглы пуль одно.

В святом кругу приветствий и проклятий,
Где жезл Судьбы сметает дни и кровь,
Язвит целебней серп ночных объятий,
Уста к устам, смертельней гнет любовь.

2. НА ВЫСЯХ.

Жизнь трепетов любви не ста́рит,
Где ближе гибель, зорче страсть,
Так бред блаженств с Еленой Па́рид
Знал в Пе́ргамах готовых пасть.

За сводом свод возносят годы,
Аркады ра[illegible] в сто цветов,
Все жгуче синь, все круче всходы
По твердым зернам лунных льдов.

Но в стуже лет, у горных срывов,
Где ветер в клочья рвет мечту,
Властней огонь в руках счастливых,
Свой факел взнесших в высоту.

Что в долах, там, где тмин и мята,
Пьянило дни,—мгновенный мед,—
На высях здесь, как пламя, свято
Алтарный дым до звезд влечет.

Смыкайтесь, арки, в белом блеске
Над черной бездной, в вихре мча
Сон Па́оло и сон Франчески,
Что дух слепил под взвизг меча.

3. ПОД ГУЛЫ И ВЗРЫВЫ.

Вихри войны, кони гибели, не успокоены,
Роя просторы, опоры былого крушат;
В городе черны разломанных окон пробоины,
Громко развалины вопят о днях баррикад.

Ропотом моря вся жизнь вдохновенно
взволнована,
Взносит свой гребень встающая к звездам
волна:
В шторме растущем безмерно, стихия
раскована,
Даль заполняет потоком победным она.

В грозных разгромах, в гудящей над миром
мятежности,
В празднике бури, в неистовстве молний,
в громах,
Что же мы двое, с мечтой о целительной
нежности,
С трепетной песней о счастьи немом на устах?

Легкие листики, взвеяны в сумрачной
бурности,
Будем раздавлены, смяты, растоптаны мы.
Шагом народов к великой, к всеобщей
лазурности,
Ляжем, разъяты,— обломки рассеянной тьмы!

Нет, в нашей страсти все тот же порыв
напряженности,
Отзвук циклона, влекущего мир на свой суд.
Сладко нам реять над алым провалом
бездонности,
Сладко под гулы и взрывы свой строить уют.

С вами, кто рушат и зиждут, не тайные нити ли
Вяжут нас, дерзких, в пожаре поющих
любовь?
В жизни, идущей на смену векам, мы —
строители
Вечного храма надежд, восстающего вновь.

4. ВЕЩИЙ УЖАС.

Рук ласковых касанье; приближенье
Губ страждущих; истома глаз ночных;
Предчувствующий трепет достиженья;
Прерывный вздох за грань кругов земных:

Вы, древние, прозренные чары:
Вопль троглодита в злой мгле времен,
Бред эллина во храме, гунна ярый
Восторг, Тристана и Изольды сон!

Вы, длящиеся в мерзких небоскребах,
Под скрежет революций, в дни войны,
Вы в гибелях, вы в благостях, вы в злобах,
Таящиеся вопли, бреды, сны!

Кто вырвет вас из мировых сознаний,
В костре сует лишний, чтоб не тмился свет.
Тебя спалит, одну сквозь сто названий,
Изида, Афродита, Аштарет!

Мы — человечества всплеск, мы поэты,
В огне веков, как можем не гореть?
Пусть гимны ночи в Атлантиде петы, —
Нам страсти вещий ужас — вечно петь.

5. РАССВЕТ.

Никнут тени, обессилены;
На стекле светлей извилины;
Мертвой тайны больше нет...
Не безумно, не стремительно,—
Скромно, с нежностью медлительной
В мглу ночную входит свет.

Мгла, в истомном утомлении,
Спорит миг за мигом менее,
Властью ласк побеждена;
Воле дня перерожденного,
Новой жаждой опьяненного,
Отдает свой вздох она.

Над безвольной, над поверженной
День взволнован в страсти сдержанной,
Шепчет вкрадчиво: «молчи»...
Полно длить предел обманчивый,
Казнь любовную заканчивай,
Кинь слепительно лучи!

---

6. ЗАКЛЯТЬЕ ЭРОСА.

Проходя страду земную
Горьких ласк и сладких мук,
Помни, вверясь поцелую,—
Любит лишь мечту двойную
Эрос, туго гнущий лук.

Он решил, он повелел
Кроткой строгостью заклятий,
Чтоб восторг двух разных тел
Равным пламенем горел
На костре ночных распятий.

Богу ран животворящих
Ненавистен страстный вскрик,
Если он, во мглах крутящих,
В миг разъятий единящих,
Из одной груди возник.

7. CLASSISCHE WALPURGISNACHT.

(Гете, „Фауст“, Часть 2).

Ночи, когда над городом
Дымы лесных пожаров,
А выше эллинским мороком
Гекаты проклятые чары,

Все углы виденьями залили
Закружив их дьявольским вальсом,
И четко Судьбы сандалии
Стучат по изрытым асфальтам.

Дыша этой явью отравленной,
Ловя в ней античные ритмы,
Губами безжалостно сдавливай
Двух голубков Афродиты.

Лот любви моряк озадаченный
Бросай в тревоге бессонных вахт,
Иль в Советской Москве назначена
Klassische Walpurgisnacht?

Подползают на брюхе сфинксы,
Стимфалиды взмывают крылом,
Чу! скачет сквозь мрак лабиринтский
Мудрый кентавр Хирон.

Куда? Не к Елене ли?
Лебедем в гриву вплетись,

Неги Эгейские вспенивай,
К Скейским высотам мчись.

Город иль море,
Троя иль Ресефесер?
Мы с Фаустом поспорим
В перегонке сфер!

Опрокинулась Большая Медведица,
Глаз Гекаты мечет гостей.
А дым пожаров все стелется,
Устилая нашу постель.

8. ГИМН АФРОДИТЕ.

За длительность вот этих мигов странных,
За взгляд полуприкрытый глаз туманных,
За влажность губ, сдавивших губы мне,
За то, что здесь, на медленном огне,
В одном биеньи сердце с сердцем слито,
Что равный вздох связал мечту двоих, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита.

За то, что в дни, когда поля, серея,
Покорно ждут холодных струй Борея, —
Твой луч, как меч, вознесенный надо мной,
Вновь льет в мой сад слепительность и зной,
Что зелень светлым Аквилоном взвита,
Что даль в цветах, и песни реют в них, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита.

За все, что будет и не быть не может,
Что сон, и этот, будет скоро дожит,
Что видеть мне, в час сумрачных разлук,
Разомкнутым кольцо горячих рук,
Что тайно в страсти желчь отравы скрыта,
Что сводит в Ад любовь рабов своих, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита.

III

ШАГИ АФРОДИТЫ

К нерукотворной Афродите
с нежданной силой я взывал
и громом песен поражал
Ядских Змей шипы
Шипы…

Одинокий

1. ШАГИ АФРОДИТЫ.

Шагам Юпитера пристало удалиться,
Когда Венерины послышатся шаги.

Адамс.

Мойры.

Слышишь, по узорам плит
Серебристый шаг звенит?
Мойр веления исполни, —
Уходи, владыка молний.

Геба.

Над Олимпом сумрак синь,
Трон блистающий покинь,
Там, где в брачных звездах небо,
Только юность любит Геба.

Афина.

Я во мгле клоню свое,
Днем горящее копье,
Нестерпим богини мудрой
Взор Киприды златокудрой.

Афродита.

Я иду смеясь, смеясь,
Между мной и ночью вязь, —
Пояс мой, соблазном синий.
Зевс, клонись пред Афродитой

Зевс.

Я к Данае, в сне ночном,
Золотым сошел дождем;
Летним днем был горд победой,
В лике лебедя над Ледой.
Для Семелы тень была,
Там, где я, всегда светла;
Долго длилась ночь без смены
Для меня близ уст Алкмены;
В свете, в сумраке, везде,
В храме, в роще, на воде
Я готов в борьбе открытой
Пасть сраженным Афродитой.

---

2. СТРЕЛЫ РЕСНИЦ.

Еще в мечтах чернеют стрелы
Твоих опущенных ресниц;
Но день встающий, призрак белый
В пепл обращает угль горелый,
Пред правдой властно клонит ниц.

Еще мечта нежна, как голос
Волынки влившейся в рассвет.
Дрожит, как с ветром свежий колос
Но щеки жжет мне белый волос,
Немая память долгих лет.

Клятв отзвучавших слишком много
И губ томивших в темноте.
Полмира сжав, моя дорога
По горным кряжам всходит строго,
Ах, к той вершительной мете.

День торжествует. Солнце лепит
Из туч уборы древних жриц.
Вот-вот мир пламенем оцепит...
Но в глубях тихих — черный трепет
Твоих опущенных ресниц.

3. После дождя.

Был дождь и замер; молний взвизги
Устали; тень сближала нас;
На темных стеклах стыли брызги;
Плыл призраков любимый час.

Твои глаза так были близко,
Так хрупок шум твоих волос.
Бег мерный месячного диска
Кропил нас мглой бесвлажных рос.

Пусть две мечты двух душ не слитых
Томил во тьме несходный сон,
Но двум мирам на их орбитах
Миг встречи был судьбой сужден.

Звезда к звезде в пространствах млечных
Влеклась, мячи враждебных сил, —
Чтоб встал огонь из сшибок встречных,
Ночь неба кровью опалил,

Чтоб смерч сгораний, вихрь беструнный
Над слухом чутким в век вознес
Тишь бледных брызгов, отзвук лунный
И хрупкий шум твоих волос.

ЕГИПЕТСКИЙ ПРОФИЛЬ.

Твои Мемфисские глаза.

Me cum esse

Когда во тьме сверкнул твой,
Подобный стилю Египта, профиль, —
Что мне, куда влекусь за тьмой,
В ослепительности ль, к катастрофе ль?

Разрез чуть-чуть прикрытых глаз,
Углы губ чуть-чуть надменных
Не так же ль пил, в такой же час,
Ваятель сфинксов довременных?

Когда над ним, в забвенный год,
Свой суд в Аду вершил Озирис,
Не был ли принят в счет щедрот
Вот этих век наивный вырез?

Застылый очерк бледных щек
Таит всю быль о дальнем брате:
Его сквозь сумрак вывел Рок
К палящей прелести объятий.

Вдавив уста в холодный лик
Той жрицы Гора или Изиды,
Он гневно в камень бросит крик
Восторга — иль глухой обиды.

Все отошло; но Сфинкс в века
Пронес его мечты и гибель.
Где ж тайна их, в чертах виска,
В той выгнутости ль, в том изгибе ль?

Хочу и я, как дар во храм,
За боль, что мир зовет любовью,—
Влить в строфы, сохранить векам
Вот эту тень над левой бровью.

---

5. СРОК.

Я знаю, ты, земля, вращеньем быстрым
Свой старый шар влечешь во мрак и свет,
Просторы разных стран бросая вслед
То крикам рынка, то полночным систрам.

С полмиром кинут я теперь во тьму,
Полсуток ждать мне солнечного всхода,
Слежу без звезд по дугам небосвода,
И глубь ночных часов страшна уму.

Расстались мы. Еще в глазах вся нега
Желанных глаз; все может губы сжечь
Яд милых губ; прикосновенье плеч,
Все сладко пальцам. Но, летя с разбега,

Земля швырнула нас к иному дню,
Кружась, срок создает до новой встречи.
Найду ль я вновь те губы, веки, плечи,
Иль в бездну мигов счастья сон сроню?

Лети, лети, земля, путем планетным,
В пустыне сфер крути живой волчок,
Чтоб, малый атом, я, изжив свой срок,
Мог страстный вздох вернуть устам
запретным!

---

6. ДВЕ ВАЗЫ.

Две малых вазы из альвастра
Прижать к губам и долго ждать
В палящей мгле, над близкой бездной, —
В них мирро сладкое вдыхать,
Жить страшной тайной аромата,
Пока зловещий глаз Геката
Не врежет вдруг в ночную гладь,
Спалив сияньем отсвет звездный,
Тогда живой фиал поднять
К трехликой, в высь, к лучам, ad astra!
И вот пред тем, как телом стать,
В руках начнут слегка дрожать
Две малых вазы из альвастра.

7. НОЧНАЯ УЛИЦА.

Фонарей отрубленные головы
На шестах безжизненно свисли,
Лишь кое-где оконницы голые
Светами сумрак прогрызли.

Бреду спотыкаясь по рытвинам
Тротуара, в бездонном безлюдьи:
Только звезды глядят молитвенно,
Но и они насмешливо судят.

Звезды, мы знакомые старые.
Давно ль вы в окошко поглядывали,
Как двое, под гекатиными чарами,
Кружились, возникали, падали?

Когда же вчера вы таяли,
Уступая настояниям утра,
Вы шептали, смеясь: не устали ли
Губы искать перламутра?

Так зачем теперь отмечаю я
Насмешку в лучах зазубренных,
Что в мечтах канун безначалия
В царстве голов отрубленных?

Что не смотрите ласково-матово,
Как замкнув рассудочность в трюме, я
По Москве девятьсот двадцатого
Проплываю в дали безумия?

8. ХМЕЛЬНЫЕ КУБКИ.

Бред ночных путей, хме́льные кубки.
Город—море, волны темных стен.
Спи, моряк, впивай, дремля на рубке,
Ропот вод, плеск ослепленных пен.

Спи, моряк! Что черно? Мозамбик ли,
Суматра ль? В лесу из пальм сквозных,
Взор томя пестро, огни возникли,
Пляски сказок... Бред путей ночных.

Город—море, волны стен. Бубенчик
Санок чьих-то; колокол в тени;
В церкви свет; икон извечный венчик...
Нет! бред льнет: в лесу из пальм огни.

Спи, моряк, дремля на рубке. Вспомни:
Нега рук желанных; пламя губ;
Каждый вздох, за дрожью дрожь, истомней...
Больше, глубже! миг, ты слишком груб!

Колокол в тени. Сон! Сон! помедли,
Дай дослушать милый шопот, вкинь
В негу рук желанных—вновь! То бред ли,
Вод ли ропот?—Свод звездистый синь.

Чьи-то санки? Пляска сказок снова ль?
Спи, моряк, на рубке, блеск впивай.
Город—море. Кубков пьяных вдоволь
Пей и помни свой померкший рай!

9. Длятся, длятся...

Длятся, длятся, сцеплены союзы,
Лентой алой скрепленные ночи.
Память! в нежной устали ворочай
Легкий пух зари и сумрак грузный.

Лунной влагой облик милый залит,
Тень на грудь — сапфирные запястья.
Вот он, вот, взор сдавленного счастья.
Змей, скользя, в глубокой ласке жалит.

Черный мрак над морем опрокинут,
Зыбля челн в неистовстве прибоя.
В звездность тайны падаем мы двое;
В холоде ль эфира плечи стынут?

Эос, хаос блесков без названья!
Теплый мрамор ожил в теле гибком,
В неге слипших губ, к немым улыбкам,
Вечность влить в мгновенья расставанья.

Память, смей! лелей земные миги!
Их за свет иных миров стереть ли,
Смертной сети пламенные петли,
Брошенной столетьям в этой книге!

10. РУКАМИ ПЛЕЧИ...

Руками плечи опоясаны,
Глаза с глазами смежены,
Друг друга сном огня пьянят они,—
Венчанных двое меж иных.

Миг кем-то где-то предназначенный.
Стонать бесплодно: Пощади!
В воде столетий опрозраченной
Для зорких глаз палящий диск.

Кассандры рушащихся Илиев,
Иоанны Патмосов в огне,
Вы тщетно в выкриках таили гнев,—
Что будет—видя как в окне.

Еще весталка не ждала греха,
Еще не вызвал брата Рем,
Уже был избран меч Алариха
Жечь мрамор римских алтарей.

Нас так, с порога дней, провидели,—
Осенний луч с поры весны,—
В мечты все Сапфо, все Овидии,
Всех Атлантид слепые сны.

---

11. ОТ СТОЛЕТИЙ...

От столетий, от книг, от видений
Эти губы, и клятвы, и ложь.
И не знаем мы, полночь ли, день ли,
Если звезды обуглены сплошь.

В мире встанет ли новый Аттила,
Божий бич, божий меч — потоптать
Не цветы, но мечты, что взрастила
Страсть, хирамовым кедрам подстать?

Солнце пятна вращает, циклоны
Надвигая с морей на постель.
Но не тот же ли локон наклонный
Над огнем мировых пропастей?

Чтобы око земное не слепло,
На мгновенье двум сближенным в смех —
От советской Москвы на Алеппо
Революции праздничный бег.

И с земли до звезды, до столетий,
Восстающих борьбе и войне
Этот огненный столп одолеть ли,
В наших строфах горящий вдвойне!

12. ЧЕРЕП НА ЧЕРЕП...

Череп на череп,
К челюсти челюсть,
За тонкой прослойкой губ.
За чередом черед!
Пей терпкую прелесть,
Сменив отлюбивший труп!

Земли не насытить
Миллиардам скелетов!
Ей надо тучнеть, тучнеть!
Чтоб кино событий
  Шло в жизнь этой
  Ты должен любить-хотеть.

Как пещерный пра-предок
(Вселенское детство!)
Грудь на груди, под смех гиен, —
Так в истомах и бредах
Выгибая хребет свой,
Отдавайся объятьям в плен!

Александр, Юлий Цезарь, Хлодвиг!
За чередом черед,
За соседним соседний, чтоб
Свершивший свой подвиг
Твой целованный череп
Опустили в последний гроб.

IV

ЗАВЕС ВЕКОВ

Чтоб выражать любовь
глазами, —
Очистить надо их от взгляда
прежних лет

В Уманов

1. В ДНИ, КОГДА...

В дни, когда Роком я кинут
В город, на жесткие камни;
В дни, когда медленно стынут
Прежде кипевшие страсти, —

Жребий заветный мной вынут:
Сказка столетий близка мне;
Завес веков отодвинут,
Прошлое снова у власти.

Вот словно волны нахлынут —
Фивы, и Дельфы, и Самний;
Вакховы тигры разинут
Кровью горящие пасти;

Дрот гладиаторы ринут...
Чу! плеск «vestalis et dami»!
Те же в восторге застынут,
Слушая миф о Иокасте...

Путь, что народами минут,
Жизнь, что была многодрамией!
Гулы трамвайные стынут
В звоне восточных запястий.

2. РОМАНТИКАМ.

Вам удаленным и чуждым, но близким
и милым,
Вам эти строфы, любимцы отринутых дней.
В зеркало месяц виденья бросает Людмилам,
С бледным туманом слита вереница теней;

С тихой и нежной мечтой о принцессах
лилейных,
Рыцари едут в лесу за цветком голубым;
Тени султанов глядятся в кристальных
бассейнах
В знойных гаремах, окутанных в сладостный
дым.

Светлы картины и чары не страшны; пропитан
Воздух земного томленьем о лучшем, ином.
В юности кем этот трепет тоски не испытан,
Кто с Лоэнгрином не плыл на челне золотом!

Трезвая правда сожгла ваши чистые дали,
С горных высот мы сошли до глубоких низин;
С грохотом города стены холодные встали,
С дымом фабричным задвигались поршни
машин.

Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой
земле, —

Но в их упорстве был отзвук и ваших
стремлений,
В свете грядущего луч, вас манивший
во мгле.

Вам, кто в святом беспокойстве
восторженно жили,
Гибли трагически, смели и петь и любить,
Песнь возлагаю на вашей бессмертной могиле:
Счастлив, кто страстных надежд здесь не
мог утолить.

---

3. ОДИССЕЙ У КАЛИПСО.

Сквозь легкий дым земных воспоминаний
Свежеет глубь зажизненных страстей,
Я ль тот пловец, кто взносит к небу длани,
На берег брошен из морских сетей?

Я ль чуждый гость в чертоге крепкостенном,
Где Калипсо кудель судьбы прядет, —
Днем на пиру сижу блаженно-плененным,
В ночь с уст царицы пью пьянящий мед?

Как бред былой, скользят и тают лица
Друзей случайных, призрачных врагов;
Вновь, как во сне, мы двое, жрец и жрица,
Сквозь сонм льстецов проходим чтить богов.

Но в час зари, чуть стают чары мрака,
Я выхожу на кручь прибрежных скал,
Смотреть в туман, где спит моя Итака,
Внимать, как ропщет в даль бегущий вал.

Я ль в светлом доме островной сибиллы,
Вдыхая сладость элисийских нег,
Вздыхать готов о дымных безднах Скиллы,
В мечтах лелеять с шумом волн — побег?

Что мне, кто знал слепительности Трои,
Кто сирских пленниц к ложам нежным влек,—
Ахайи скудный зеркало пустое,
Сны Пенелопы, Телемака рок?

Иль не пресыщен полным кубком славы,
Не оттягчен венцом вселенной всей,—
Как нектара, жду нежащей отравы
Я, опытный, я, мудрый Одиссей?

---

4. ОДИССЕЙ У БЕРЕГОВ ФЕАКОВ.

(Одиссея, песнь V).

«Будешь помнить!» Прогремела
Мне насмешка Посидона.
Коней бурных он направил
В глубь взволнованного лона
В свой коралловый чертог;
Но всем ветрам предоставил
Выть над морем гневный бог.
Плещут, мечут пеной белой
Ярый Эвр, свирепый Нот,
Зверь Борей и Зефир юный;
Понт на шумные буруны
Мчит со мной мой утлый плот.

Все ж со мной Левкотеи
Неземное покрывало;
Деву мудрости, Афину
Что не раз в беде спасала,
Я, упорный, помяну;
Плот разрушенный покину,
Кинусь в мутную волну,
Буду плыть к земле смелее:
Знаю, гибельного дня
Сладость будет не такая.
Там, на бреге, Навсикая
Ждет, прекрасная, меня.

5. ЦЕЗАРЬ КЛЕОПАТРЕ.

Нас влекут пурпурные ветрила,
Нежен вздох павлиньих опахал,
Терпкой влагой душно веет с Нила,
В жгучей сини Феб недвижно стал.

Мысли—четки. Выслушай, царица.
Ропот мой безумьем назови!
Пусть в тебе таит свой бред блудница,
Цезарь тож не новичек в любви.

Что ж, пред кем, скажи, в Александрии
Я сложил и фаски и венец,
Взор закрыл на распри мировые,
В Риме кинул золотой дворец?

Иль гетер в столицах шумных мало?
Иль не я владыка всех земель?
Но от хитрых ласк душа устала,
Что мне в снах Киприды лишний хмель?

Нет, египтянка, в изгибе строгом
Губ твоих, в огне холодном глаз
Понял я призыв к иным дорогам,
К большей глуби, соблазнившей нас.

Клонит лик пред сыном Афродита,
Эрос-Мститель гнет священный лук.

Пропасть высшей страсти нам открыта.
Чу, на дне — камней скользнувших звук.

Миродержец, днесь я диадемой
Царственной вяжу твое чело.
Не в Киферу нас влечет трирема,
В даль столетий — фатума весло.

Нам сужден ли сон мгновенной неги?
Прочь Гефестом кованная сеть!
Двум кометам в их надмирном беге
Нам дано в пример векам алеть.

Так гори, согласно пламенея,
Огнь любви спеши со мной вдохнуть,
Чтоб с тебя он сжег клеймо Помпея,
Чтоб к клинку мне подготовил грудь.

---

6. ГЕРО и ЛЕАНДР.

Леандр.

Геро, слушай, слышишь, Геро.
Рядом в лад стучат сердца.

Геро.

Милый, нет, у башни серой
Ярость волн бьет без конца.

Леандр.

Геро, лик твой жутко нежен,
Весь плывущий в лунном дне.

Геро.

Милый, ах, луной взмятежен
Понт, взносящий вал во сне.

Леандр.

Геро, грудью грудь согрета,
Руки слиты, дрожь в устах...

Геро.

Милый, стужей млеет Лета,
Мчит в зыбях холодный прах.

Леандр.

Геро, встанем! В свет победный
Бросим тело, бросим страсть!

Геро.

Милый, грозно ветр бесследный
В море вскрыл пред смелым пасть.

Леандр.

Геро, помни, веруй, Геро:
Прочны связи влажных губ!

Геро.

Милый, ах, у башни серой
Вижу твой взмятенный труп.

7. БОТТИЧЕЛЛИ.

Что затеял ты, Рок? не игрой ли
На арене веков занят ты?
Толпы бросил ты к Саванаролле,
Руки, в знаке креста, подняты.

И от воли ль твоей, от речей ли
Исступленца, что длань распростер,
Возложил Сандро Боттичелли
Картины свои на костер.

Ты ль решил, чтоб слезой черно-палевой
Оплывала Венер нагота,
А народ, продолжая опаливать
Соблазн сатаны, хохотал?

Ты ли дым, над Флоренцией вскинутый,
Отвердил в извечный гранит,
Обратил в бесконечную скинию,
Где примеры вселенной хранишь,

Чтобы помнили, видели, ведали,
Что нельзя Красоте перестать,
Калидасой встающей над ведами
И Рембрандтом над трупом Христа?

8. ВСЕ ЛЮДИ.

Все люди, люди и люди
Всех осанок, величин и мастей,
Розетка мировых иллюзий,
За работой, на пир и в постель.

Все люди, теперь и прежде,
И в грядущем, взглянув за забор,
Повтор все тех же арпеджий,
Аккордов старый набор.

Ахилл ли, Терсит ли, Елена ль,
Поэт, чиновник, король,—
Весь сверток земной вселенной
Под печатью одна бандероль.

А, быть может, на синих планетах—
Чудовища, владыки стихий,
О чем не молчали в сонеты,
Чего не блистало в стихи.

А, быть может, в огне иль в незримом,
Демон, дьявол,—вы,
Кто пылаете мимо, мимо,
Презирая кивком головы.

Так много у меня в душе
воспоминаний

Как будто я живу столетья-не

N.N

1. А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ.

В дни победы, где в вихре жестоком
Все былое могло потонуть,
Усмотрел ты провидящим оком
Над развалом зиждительный путь.

Пусть пьянил победителей смелых
Разрушений божественный хмель,
Ты провидел, в далеких пределах,
За смятеньем конечную цель.

Стоя первым в ряду озаренном
Молодых созидателей, ты
Указал им в былом, осужденном
Дорогие навеки черты.

В ослеплении поднятый молот
Ты любовной рукой удержал,
И кумир Бельведерский, расколот,
Не повергнут на свой пьедестал.

Ты широко вскрываешь ворота
Всем, в ком трепет надежд не погиб, —
Чтоб они для великой работы
С сонмом радостным слиться могли б,

Чтоб под черными громами, в самой
Буре мира — века охранить,
И вселенского нового храма
Адамантовый цоколь сложить!

2. К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Чахлые сосны дорогу к лазури найдут.
К. Бальмонт.

Ты нашел свой путь к лазури,
Небом радостно вздохнул,
Ведал громы, видел бури,
В вихрях взвеянных тонул;

Славой солнца опьянялся,
Лунной магией дышал,
Всех пленял и всем пленялся,
С мировой мечтой дрожал;

И дождем с высот небесных,
Алым облаком горев,
В строфах жгучих и чудесных
Ты спадал на новый сев!

Влагу огненную жадно
Пили тысячи семян,
Чтоб весной в парче нарядной
Ликовала даль полян.

Пусть погасло пламя в небе,—
Под землей огонь твой жив:

Светел рок, завиден жребий
Тех, кто умер, жизнь разлив!

Беглый блеск прощальных вспышек
Тайно манит, как магнит:
То твоих лучей излишек
В глубине зарниц горит.

---

3. ПАМЯТИ ОДНОЙ.

Помню, помню: вечер нежный;
За окном простор безмолвный;
Белой яблони цветы;
Взор твой, милый, неизбежный.
Миги катятся, как волны,
В целом мире—я и ты.

Помню, помню: это было,
Словно в пропасти глубокой,
Да, пятнадцать лет назад.
Время птицей легкокрылой
Унесло меня далеко,—
В новый рай и в новый ад.

Розы, лавры, олеандры,
Лица с черными глазами,
Плеск побед, падений стыд...
Как в видении Кассандры,
Тень Стигийская меж нами,
Окровавлена, стоит.

Нет к прошедшему возврата,
Все в пространстве по орбитам
Мы должны вперед скользить.
Стать чужими—вот расплата
За блаженство: в теле слитом
Сердце с сердцем съединить.

---

4. ПАМЯТИ ДРУГОЙ.

Так здесь, на ложе ласк неверных,
Обманывающих приближений,
В правдиво-лицемерный миг,
Во мгле, как в пропастях безмерных,
Астральной властью отражений,
Твой облик надо мной возник.

И ты от близостей отъята;
Уже не здесь впиваешь светы,
Где я еще влачусь за тьмой;
Но помнишь, странные когда-то,
Нас обручившие обеты
И горько слышишь ропот мой.

Твое обиженное тело
Землей и травами прикрыто;
Но здесь, со мной твоя любовь.
Смотри ж из темного предела
На все, что в смерти не забыто,
Что, жив, я изживаю вновь.

В блаженной неге униженья
Я оцет пью из груди милой,
Отвесть кашики стыда без сил, —
Прими мой бред как искупленье:
Им ныне над твоей могилой
Венок из строф я возложил.

5. МАДРИГАЛ.

Имя твое из золота,
Маленький, сверкающий слиток,
Под ударом кирки и молота
В ледяном Клондайке открытый.

Имя твое под любовными
Ласками солнца мечтится,
Но лучи его робки, словно им
Опасно соперничество месяца.

Но я знаю, верю и ночью оно
Под лунным поцелуем бесплодным,
Необледнено, неопорочено, —
Пламя во тьме холодной.

Пусть ветер взлетает с полюса
Пусть пустыня снежная стелется,
Иль иглами жгучими колется,
Смеясь над прохожим, метелица, —

В стране молчанья и холода,
Над белым, над мертвым простором,
Имя твое из золота,
Милое имя — Дора.

6. К АДАЛИС.

Твой детски женственный анализ
Любви, «пронзившей метко» грудь,
Мечте стиха дает, Адалис,
Забытым ветром вновь вздохнуть.

День обмирал, сжигая сосны;
Кричали чайки вдаль воды;
Над лодкой реял сумрак росный;
Двоих нас метил свет звезды.

Она сгибалась; вечер бросил
Ей детскость на наклоны плеч;
Следил я дрожь их, волю весел
Не смея в мертвой влаге влечь.

Я знал, чей образ ночью этой
Ей бросил «розу на кровать»...
Той тенью, летним днем прогретой,
Как давним сном, дышу опять

В твоих глазах, неверно-серых,
В изгибе вскрытых узких губ,
В твоих стихах, в твоих размерах,
Чей ритм, с уступа на уступ.

7. К А.——.

Шаги судьбы по камням мира, свисты
Стрел Эроса, соль моря—любишь ты.
Я—этой ночью звезд расцвет лучистый,
Тишь этих узких улиц, этот мглистый
Бред темноты.

Ты в каждом знаке ищешь символ сути,
Ведешь мечту сквозь тени к вечным снам.
Мне все сказалось в играх лунной ртути;
За смысл миров,—того, что есть в минуте,
Я не отдам.

В отвесах стен ты знаешь облик Рима,
В полетах ветра шум нездешних струй.
Я жадно в стих ловлю лишь то, что зримо:
Миг, сладкий миг, как сон бегущий мимо,—
Твой поцелуй.

8. ПОСВЯЩЕНИЕ.

Ты, предстоящая, с кем выбор мой,
Стань смело здесь, где робок посвященный!
По власти, мне таинственно врученной,
Твое чело вяжу двойной тесьмой;

В кольцо, с змеями, знак инвеституры,
Твой тонкий палец заключаю; меч
Тебе влагаю в руку; нежность плеч
Скрываю в плащ, что соткали лемуры.

Пред алтарем склонись, облачена:
Те две тесьмы—сиянье диадемы;
Ей тайно венчаны, поэты, все мы:
Вскрывает путь в огонь веков она.

Те змеи символ мудрости предельной.
Они все миги жгуче в нас язвят,
Но их губительно-целящий яд
Из смерти душу возвращает цельной.

Тот меч—как знаменье, что жизнь тебе
Прорежет сердце остро и глубоко,
Что станешь ты победно одинока,
Но не уступишь ни на шаг судьбе.

Тот плащ, тебе сокрывший зыбко плечи,
Сны отрешает от страстей людских;

Отныне ты—лишь призрак для других,
И для тебя—лишь призрак дни и встречи.

Ты в оный мир вознесена, где нет
Ни слов лукавых, ни черты случайной,
И се—я, тавматург, пред новой тайной,
Клоню колена пред тобой, Поэт.

VI

А ЗДЕСЬ, В УМЕ...

О Мысль, грызущий червь,
отрава всех желаний,
Любовь и счастие, все уничтожаешь ты,
Ты волю отняла, надежды и мечты,
И сердца, полного могильных заклинаний

И. Жилькен

I. В ПЕРВЫЙ РАЗ.

Было? Не знаю! Мальстремом крутящим
Дни всё, что было, сметают на дно.
Зельем пьянящим, дышу настоящим,
Заревом зорь мир застлало оно.

Прошлое сброшу, пустую одежду;
Годы—что полки прочитанных книг!
Я это—ты, ныне вскинутый, между
«Было» и «будет» зажегшийся миг.

В первый раз,—поле весной опьянело,
В первый раз,—город венчала зима,
В первый раз,—в храмине туч, сине-белой
Молнией взрезана плотная тьма.

В первый раз, в первый, губ нежная влажность
Губы мне жмет, я ловлю в первый раз,
Грудь на груди, вздохов страстных протяжность,
Жуть, счастье, муку закинутых глаз.

В первый раз,—мысль в жгучей зоркости верит
Зовам судьбы, с буйством жизни слита:

Строить, крушить, в битву ринуться! Перед
Целью веков ниц простерта мечта.

Грозы! Любовь! Революция!—С новой
Волей влекусь в ваш глухой водомет,
Вас, в первый раз, в песнях славить готовый,
Прошлого—нет. День встающий—зовет!

---

2. ВО МНЕ.

Воспоминанья стран, — вопль водопадов,
Взлет в море голи, альпийских трещин жуть,
Зной над Помпеями, Парижа адов
Котел, за степь гремящей тройки путь.

Все, — и провал в палящие полотна
Да-Винчи, мраморный вздох Афродит,
Разливы книг с их глубиной болотной,
Дум молнии, цифр гибельный гранит.

Все, — Город Вод, с блистаньем орихалка,
Обитель теней за нагой Иштар,
Мечты Геракла, где Омфалы прялка,
За Одиссеем зов сиренных чар.

Вас, также вас, — костры ночей изжитых,
Двоим один, слов не обретший, бред,
Губ хрипло слипших, рук несытно слитых,
Дорог сквозь тайны радиевый след.

Вас, вас еще, — часы трудов державных,
Восторг стихов, вдаль вскинутые сны,
Вас, миги зоркостей, слепых и явных,
Гром революций, пестрый плащ войны.

Все, все во мне, круги живых вселенных,
Преображенных, вновь зажженных мной,
Корабль сокровищ от мостов мгновенных
Влекомый в вечность роковой волной.

---

3. БУДЬ МРАМОРОМ.

Ты говоришь: ограда меди ратной...

Адалис.

Будь мрамором, будь медью ратной,
Но воском, мягким воском будь.
Тепло судьбы благоприятной
Всем существом умей вдохнуть.

Так, не сгорая и не тая,
Преображай знакомый лик,
Предельный призрак выдвигая,
Как свой властительный двойник.

Захвачен вихрем ярко юным,
Что в прах свергает алтари,
Гори восторженным трибуном,
Зов бури вольно повтори.

Меж «юношей безумных», скован
В живую цепь, к звену звено,
Славь, с неустанностью взволнован,
Беспечность, песни и вино.

В сонм тайный мудрецами принят,
Как древле Пирр в совет царей,
Все, что исчезло, все, что минет,
Суди всех глубже, всех мудрей.

А в поздний час, на ложе зыбком.
В пыланье рук включен, как в сеть,—
Улыбкой дарственной—улыбкам,
Мечте—мечтой любви ответь.

Являй смелей, являй победней,
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней
Будь мрамором и медью будь.

---

4. ДЕНЬ.

Еще раз умер, утром вновь воскрес;
Бред ночи отошел, забыт, отброшен.
Под серым сводом свисших вниз небес,
Меж тусклых стен, мир ярок и роскошен.

Вновь бросься в день, в целящий водоем,
Скользи в струях, глядись в стекле глубоком,
Чтоб иглы жизни тело жгли огнем,
Чтоб вихрь событий в уши пел потоком.

Хватай зубами каждый быстрый миг,
Его вбирай всей глубью дум, всей волей.
Все в пламя обрати: восторг, скорбь, вскрик,
Есть нега молний в жале жгучей боли.

Час рассеки на сотню тысяч миль,
Свой путь свершай от света к свету в безднах,
Весь неизмерный круг замкнув, не ты ль
Очнешься вновь, живым, в провалах
звездных?

Борьбой насытясь, выпей яд любви,
Кинь в сушь сознаний факел дневной песни,
Победы блеск, стыд смеха изживи, —
Умри во мгле и с солнцем вновь воскресни!

---

5. В СМЕРТЬ.

В смерть, в вечный гром, в горящий вихрь,
быть может;
Быть может, в темь, в провал, в ничто —
все я!
Вот эти скрепы рук червь алчно сгложет,
Пять строк историка — смысл бытия.

А здесь, в уме, разбеги дум свистящих,
Колеса, поршни, рычаги машин,
Тигр с тигром, с змеем змей в деканских
чащах,
Злой глаз ихтиозавров из глубин.

Здесь дни, где слеп от солнц желаний рдяных,
Ночи, где жив костром сплетенных рук,
Плыть по безумью, челн меж скал в туманах,
Целить в врага сквозь сети колючих юкк!

Всход в башни книг по лестницам спиральным,
Срыв вниз в котел шипящих городов;
Вдохнув их бред, зажечь мечом сигнальным
На самой круче века оклик строф.

И всё, всё — труп, тук цепким павиликам,
Соблазн стихов — влюбленным двум, чтоб
влечь
В столетьях чуждых, чьих-то, с лживым вскри-
ком,
В позор объятий иль под мрачный меч.

---

6. ПРЕДЕЛЫ.

Пределы? нет их!
Цель — бесконечность.
Из песен петых —
Звездная млечность.

Там дальше — туманность
Ориона иль Лиры...
Отточенных слов чеканность,
Лезвеем секиры.

Канат корабля отруби!
Новых норманнов наезды.
Мелкие отруби,
Рассыплются звезды.

Земля? — зелененький мяч,
Луна? — нет совсем.
Человеческий плач
В пространствах нем.

Вне изведанных стран дыши
Потоком твердым эфира.
Прощайте, милые ланчыши,
Орион и Лира!

---

7. ОДНО ЛИШЬ.

Я ль не искал под бурей гибели,
Бросая киль в разрез волны,
Когда, гудя, все ветры зыбили
Вкруг черный омут глубины?

Не я ль, смеясь над жизнью старящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда сребрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?

Ах, много в прошлом,— листья спадшие,—
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья младшие
Плели венки живых цветов.

За кругом круг сменив видения,
Я к новым далям страсть донес,
Пью грозы дней земных, не менее,
Чем прежде, пьян от нежных слез.

К чему ж судьбой, слепой прелестницей,
В огне и тьме я был храним,

И долгих лет спиральной лестницей
В блеск молний вышел, невредим?

Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, громам нежданным рад,
Ловя все миги и не сетуя —
Отцветший час бросать назад.

---

8. ПЕРВЫЙ МЕРИДИАН.

Через сердце к весеннему полю,
Первый проведи меридиан.
Он упрется в точку, где полюс.
Полярной звездой осиян.

И от этого мига жалеть ли
Путей вперед и назад,
Там и в прошлом все тысячелетья
И в грядущем дерзко грозят.

Расточить, как щедрый наследник,
На пиру этого дня умей—
Мудрецов, поэтов, проповедников
Клад, что собран в твоем уме.

Пусть кровь твоя просочится
В века из земной ризницы,
Где будут кормиться волчицей
Реи иной близнецы.

От вселенной тебя ли отымем?
Всех солнц разорвется связь.
Вихрями в пустоте золотыми
Калейдоскопом нелепым резвясь.

Меч от зенита к надиру
Насквозь тебя пронизал:
Над вечностью им балансируй
В бесконечности тронных зал.

9. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ.

Мясорубками тело измолото,
День за днем, день за днем, день за днем.
Почему же нетленны и молоды
Губы мальв за вселенским плетнем?

Расстилаться, дробясь под колесами...
Это ль я? где же я? кто же я?
Не ответит за волжскими плесами
Мне последняя ворожея.

Отстраняю в безумьи ладонями
Беглый миг, бледный лик, тот двойник.
Но ликующий месяц над донями
До глубин заповедных проник.

Так рубите, рубите, рубите
День за днем, день за днем, день за днем!
По мечтам, по путям, по орбите
Пред огнем мы кометы метнем.

Что во сне на земле,—повторится
В голубых и пурпурных краях.
Пей, жемчужину в уксус, царица,
Клеопатра, Марго, Танах!

Эти трепеты грудей прозрачны,
Кровь под жалами пламенных стрел,
Чтобы, крылья смежив, новобрачный
До глубин заповедных смотрел.

СОДЕРЖАНИЕ.

IV. ЗАВЕС ВЕКОВ.

V. ПРИВЕТСТВИЯ.

VI. А ЗДЕСЬ, В УМЕ...